

Кое-как, после долгих и упорных уговоров, госпожу Тан всё же удалось успокоить, заставив её отказаться от безумной идеи рвануть в Юго-Восточную Азию и закупить там охалку Альф.

Цзянь Сунъи легонько постучал пальцем по стоявшему рядом флакону с блокиратором запаха и, не поднимая головы, тихо спросил:

— Мам, если я воспользуюсь этим блокиратором, запах моих феромонов действительно полностью исчезнет?

— Ну конечно! Говорю тебе, это новинка из Северной Европы, у нас в стране её днём с огнём не сыщешь. Твоему отцу пришлось изрядно попотеть, чтобы достать этот флакон. Вообще-то я берегла его для себя, но теперь забирай всё.

— И никто не сможет определить, Альфа я или Омега?

— Абсолютно никто. Даже не сомневайся.

— Тогда... ты можешь пока не регистрировать мой второй пол?

Тан Цинцин промолчала.

Кому, как не матери, знать собственного сына? Тан Цинцин мгновенно поняла, что задумал Цзянь Сунъи.

Возможно, сама природа, заботясь о продолжении лучших родов, наделила Омег не только способностью к деторождению, но и красотой, умом и врождённым магнетизмом. Однако эти же особенности физиологии делали их хрупкими, уязвимыми существами, вынужденными искать защиты и подчиняться чужой воле. И пусть современные законы давно провозгласили всеобщее равенство, редким Омегам всё ещё невероятно трудно выжить без опеки извне.

Если скрыть истинную сущность, в школе придётся отказаться от любых поблажек и официальной защиты. Это было опасно и чертовски сложно.

Тан Цинцин поджала губы. Она посмотрела на сына с непривычной для неё строгостью и серьёзностью:

— Сяо И, ты уверен?

Цзянь Сунъи продолжал лениво вертеть в руках флакон, говоря ровным, безразличным тоном, будто речь шла о какой-то мелочи:

— Пожалуй. Дело не в том, что быть Омегой как-то стыдно. Просто столько лет все вокруг считали меня Альфой, да и я сам привык им быть. А тут вдруг — Омега. Глупо как-то. И лишняя головная боль.

— Но...

— Никаких «но», мам. Я не считаю, что, став Омегой, превратился в слабака. Мне не нужны чужие подачки в виде опеки, и уж тем более я не собираюсь выслушивать шёпотки за спиной.
— Он на секунду замолчал, а затем добавил: — Мам, мне просто нужно немного времени.

Тан Цинцин слишком хорошо знала своего сына.

Он привык быть лидером, привык защищать тех, кого считал слабыми. Самоуверенный, гордый и порой невыносимо заносчивый — такой человек никогда не согласится добровольно укрыться под чужим крылом.

Ему действительно требовалось время. Время, чтобы стать ещё сильнее — настолько, чтобы даже в роли Омеги никого не бояться и сохранить свою безупречную гордость.

И Тан Цинцин была готова помочь ему сберечь эту гордость.

Она протянула руку, нежно взъерошила его густые тёмные волосы и мягко улыбнулась:

— Ладно. Пусть будет так, как хочет мой сын.

Получив согласие матери, Цзянь Сунъи вскинул голову и ледяным взглядом смерил стоявшего у окна Бо Хуая.

— Ну что, — процедил он сквозь зубы, — выбирай: либо ты становишься моим сообщником, либо мне придётся тебя убрать.

Бо Хуай проигнорировал его выпад. Повернувшись к Тан Цинцин, он вежливо улыбнулся:

— Тётушка, не переживайте. В школе я присмотрю за Сяо И.

Тан Цинцин растроганно вздохнула:

— Ох, Сяо Хуай, спасибо тебе огромное. Нам действительно неловко тебя обременять.

— Никаких обременений, что вы. Сяо И с детства называет меня братом, так что заботиться о нём — мой долг.

Бо Хуай и без того был удивительно красив, а его благообразное лицо отличника всегда вселяло в старших абсолютное спокойствие. Сейчас же, с этой мягкой, как весенний первоцвет, улыбкой, он окончательно растопил материнское сердце Тан Цинцин.

— Какое же ты золото, Сяо Хуай! Умница с самого детства, не зря я тебя так люблю. Приходи к нам сегодня на ужин, я приготовлю что-нибудь особенное.

— С удовольствием, — кивнул юноша. — Я уже и сам соскучился по вашей стряпне.

— Вот и отлично, сегодня наешься досыта! Говори, чего бы тебе хотелось, а я всё запишу и схожу за продуктами.

Цзянь Сунъи молча переводил взгляд с одного на другого, чувствуя лёгкое недоумение.

Этот парень всегда был таким заботливым, разговорчивым и приторно-сладким на язык?

Господин Цзянь баловал жену долгие годы, поэтому кулинария для неё была сродни покупке очередной дизайнерской сумки — чистое развлечение ради мимолётных эмоций.

Соответственно, готовить она толком не умела. Однако мужчины в семье Цзянь привыкли ей потакать. Даже такой капризный в еде парень, как Цзянь Сунъи, каждый раз с каменным лицом съедал всё до последней крошки. А теперь, когда к их компании примкнул этот невозмутимый лицемер по фамилии Бо, госпожа Тан окончательно утратила всякую критичность к собственным кулинарным талантам.

Провозившись на кухне всю вторую половину дня, она соорудила роскошный на вид стол. Выглядело всё аппетитно, но вот закончится ли ужин поездкой на скорой — оставалось делом случая.

Расставив тарелки, зажёгши свечи и украсив стол цветами, госпожа Тан удалилась в спальню, чтобы подправить макияж. Вернувшись, она заставила ребят сделать пару десятков совместных снимков, отобрала девять лучших и выложила их в социальные сети, добавив подпись:

«Специально встала к плите, чтобы отпраздновать воссоединение сына и его лучшего друга детства! Надеюсь, моим мальчикам всё понравится!»

Цзянь Сунъи опустил взгляд на экран телефона, сделал глоток чая и невозмутимо заметил:

— Мам, выражение «воссоединение судеб» здесь не совсем к месту.

— Да? — Тан Цинцин растерянно захлопала ресницами. — Тогда переписать? Может, лучше сказать «склеить разбитую чашу»?

Цзянь Сунъи вздохнул, признавая поражение:

— Ладно, забудь. «Воссоединение» тоже сойдёт.

Чтобы больше не наткаться на странные публикации матери, Цзянь Сунъи поспешно вышел из ленты новостей. Тут же в углу экрана загорелась красная точка уведомления возле лаконичного белого аватара.

[Бо Хуай: Теперь понятно, в кого ты такой грамотей. Был неправ, каюсь.]

Цзянь Сунъи промолчал, но мысленно пообещал себе отомстить.

С самым любезным видом он подцепил палочками кусок мяса неизвестного происхождения и переложил в тарелку Бо Хуая:

— Кушай, не стесняйся. Побольше кушай.

«Чтоб ты подавился», — добавил он про себя.

Поскольку домработница ещё не вернулась, после ужина Бо Хуай вызвался помочь госпоже Тан прибраться на кухне.

Цзянь Сунъи, никогда не утруждавший себя домашними делами, сослался на духоту и поспешно выскользнул на улицу.

Засунув руки в карманы брюк, он брёл по вечерней аллее. Голова была опущена, а шаг — медленным и ленивым. Куда идти, его не заботило.

Сентябрьский Наньчэн после затяжных дождей дышал влагой. Ночной ветер приносил с собой сырую, липкую прохладу. Дорожки вдоль аллеи платанов в Районе особняков были чисто подметены, лишь изредка под ноги бесшумно опускались пожелтевшие сухие листья, кружась в медленном танце увядания. Было в этом зрелище что-то щемяще-одинокое.

Когда платаны окончательно сбросят листву, наступят холода. А потом пойдёт первый снег, укрывая голые ветви пушистыми белыми шапками. В этом ведь тоже есть своя прелесть. Вовсе не обязательно цвести яркой зеленью июньских крон, чтобы казаться красивым.

Всё к лучшему. Всё так, как должно быть.

Альфа — хорошо, Омега — тоже неплохо. Ничего страшного не случилось.

Цзянь Сунъи глубоко вздохнул и поднял глаза. Он и не заметил, как ноги сами вынесли его за ворота жилого комплекса.

Неподалёку тускло светилась вывеска круглосуточного магазина. Оттуда только что вышел мужчина средних лет. На ходу достав сигарету, он чиркнул зажигалкой, нахмурился и глубоко затянулся, выпуская в ночную прохладу клубы серого дыма. Казалось, никотин растворял в себе все его тревоги и заботы, унося их прочь вместе с тающим дымом.

Поддавшись внезапному порыву, Цзянь Сунъи переступил порог магазина.

— Мне пачку таких же, как у того мужчины, — бросил он продавцу.

Сам он никогда не притрагивался к табаку, но сейчас ему отчаянно захотелось проверить, действительно ли эта едкая отравка способна унять ноющую пустоту в груди.

На душе действительно скребли кошки.

Вот только признаться в этом он не мог никому. Ему надлежало оставаться сильным, невозмутимым и весёлым — только бы не заставлять близких сходить с ума от тревоги. Он понимал, что поступает правильно.

Но ему было всего семнадцать. Возраст, когда смириться с неизбежным труднее всего. Даже не смириться, нет... Просто вся его привычная жизнь, все цели и убеждения рухнули в один миг, оставив после себя лишь глухую растерянность.

Ему никогда не доводилось слышать об Омеге, способном одолеть Альфу. И он понятия не имел, хватит ли у него сил стать первым.

Но ведь он обязательно справится. Потому что он — Цзянь Сунъи.

«Я справлюсь. Обязательно. Я ведь Цзянь Сунъи, в конце концов»

На его губах заиграла слабая, горьковатая усмешка.

В этот момент сухой платановый лист, сорвавшись с ветки, мягко опустился ему на плечо.

Цзянь Сунъи потянулся было, чтобы смахнуть его, но чья-то рука опередила его.

Изящные пальцы аккуратно подхватили черенок и прокрутили лист в воздухе. Раздался тихий, вкрадчивый смешок:

— Надо же, какой разборчивый лист. Нашёл куда приземлиться.

Бо Хуай поднял глаза и с мягкой иронией добавил:

— Да и человек устроился не хуже.

Цзянь Сунъи промолчал.

Они стояли у старой скамейки в глубине пустынного сквера, довольно далеко от магазина. И как только Бо Хуай умудрился его выследить?

Бо Хуай опустился на скамью рядом с ним. Его взгляд на пару секунд задержался на губах Цзянь Сунъи, сжимавших сигарету.

Огонёк на конце тлел тусклым рубином, а налипший столбик пепла даже не думал падать.

Юноша тихо усмехнулся:

— И что это за бенгальский огонь у тебя в зубах? Искрит потихоньку, а толку ноль.

Цзянь Сунъи вспыхнул.

Он и правда не умел курить — просто держал сигарету ради антуража, даже не затягиваясь. Но это едкое замечание уязвило его гордость.

— Вообще-то я умею, — буркнул он.

Желая доказать свою правоту, он судорожно втянул в себя горький дым, но тут же зашёлся в безудержном кашле. Лицо его мгновенно залило краской.

Бо Хуай лишь усмехнулся. Одной рукой он принялся бережно похлопывать друга по спине, а другой осторожно забрал сигарету, перенёс к собственным губам и сделал плавную, неторопливую затяжку. Затем он ловко затушил окурок о край урны и швырнул его в мусорный бак.

Губы его всё ещё кривились в улыбке, но в голосе прозвучали строгие нотки:

— Ну и как? Ничего особенного, верно? И выглядит не так уж круто. Так что завязывай с этим.

У Бо Хуая были тонкие, бледные губы, придававшие ему обычно холодный, даже слегка

отрешённый вид. Но сейчас, когда он держал сигарету, в его облике промелькнуло что-то порочное и чертовски притягательное.

Цзянь Сунъи мысленно признал: «Вообще-то, это было красиво».

Но тут до него дошло, что Бо Хуай курил ту самую сигарету, которую он только что сжимал собственными губами.

На душе стало неловко.

Однако, как ни странно, брезгливости не возникло. Бо Хуай сделал это настолько обыденно, что любые разговоры о гигиене или о том, что Альфе и Омеге не пристало косвенно целоваться, прозвучали бы глупо и жеманно.

Поэтому он лишь небрежно спросил:

— Ты что, куришь?

— Баловался как-то раз. Давно.

— Когда жил в Бэйчэне?

— Угу.

Цзянь Сунъи удивлённо приподнял бровь:

— Надо же. Не думал, что у образцово-показательного отличника тоже бывает бунтарский возраст.

Бо Хуай облокотился на спинку скамьи и негромко произнёс:

— Маленький был, глупый. Случилось кое-что, вот я и замкнулся в себе. Не мог найти выход, упрямылся, строил из себя взрослого. Решил попробовать, но быстро понял, что это полная ерунда, которая ничем не помогает. С тех пор и не притрагивался.

Цзянь Сунъи невольно вспомнил старые слухи о Первой средней школе Наньчэна.

— И как, теперь разобрался?

Бо Хуай понял, что друг истолковал его слова по-своему, но поправлять не стал. Лишь мягко

усмехнулся:

— Да. Наконец-то во всём разобрался.

Именно поэтому он и вернулся.

Первые два года в Бэйчэне выдались невыносимо тяжёлыми. Бессонница стала его постоянной спутницей.

Рядом не было ни одной родной души, с кем можно было бы поделиться переживаниями. Четырнадцатилетний подросток остался наедине со своими смутными, пугающими мыслями. Он отчаянно боролся сам с собой, изводил себя сомнениями и, глупо признать, натворил немало глупостей.

Бо Хуай наивно полагал, что время и километры помогут ему остыть. Но шёл третий год. Буря утихла, а на её месте осталась лишь тихая, глубокая тоска по тому первому, робкому чувству. И тогда пришло осознание.

Некоторые люди и чувства подобны лесному пожару: стоит крошечной искре упасть в глубину твоего сердца, и его уже не спасти. Оно сгорит дотла.

А раз терять уже нечего, почему бы не попытаться?

Бо Хуай повернулся к Цзянь Сунъи. Прищурившись, он окинул его долгим, нечитаемым взглядом. Каждое его слово звучало неторопливо, мягко, но при этом на удивление твёрдо:

— Так что если у тебя на душе станет паршиво или возникнут вопросы, на которые нет ответов — не смей держать это в себе. И уж тем более не пытайся заглушить тоску сигаретами или выпивкой. Неужели я справляюсь со всем этим хуже, чем дешёвый табак?

<http://bllate.org/book/20583/2132228>